

Иногда, чтобы
изменить судьбу,
нужно нарушить
законы самой
вечности...

Крылья судьбы

Жанна Мельникова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Жанна Мельникова

Крылья судьбы

«Автор»

2026

Мельникова Ж.

Крылья судьбы / Ж. Мельникова — «Автор», 2026

История о любви, которая сильнее боли. О выборе, который сильнее судьбы. И о том, что даже после гибели некоторые души не отпускают друг друга.

© Мельникова Ж., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящение	5
Хранитель	7
Марк	12
Искушение	15
Столкновение	18
Прошлое Леры	20
Погоня	22
Падение	24
Прощание	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Жанна Мельникова

Крылья судьбы

Посвящение

Она открыла глаза уже не в мире людей.

Вокруг не было ни света рая, ни бездны ада. Не было ни жара, ни холода. Только бесконечный коридор, уходящий в невозможную даль. По обе стороны тянулись двери — сотни, тысячи дверей. За каждой из них жила чья-то судьба: чужая любовь, чужая боль, чужая смерть.

Лера стояла посреди этого безмолвия и не чувствовала тела. Не чувствовала сердца. Только ясность — холодную, беспощадную, как лезвие.

— **Ты избрана,** — произнес голос.

Он не прозвучал ни справа, ни слева. Он был повсюду. В воздухе. В стенах. Внутри нее самой.

— **Ты станешь Хранителем Равновесия. Ты будешь решать, кому жить, а кому умереть.**

Лера не сразу поняла смысл услышанного. А когда поняла, первое, что почувствовала, было не благоговение и не страх.

Неприятие.

— Нет, — прошептала она. — Я не могу.

Она хотела назад. К матери. К недописанному дипломному проекту. К обычной жизни, где самой большой трагедией был разбитый экран телефона и ссора с близким человеком. Хотела вернуться даже к той самой дурацкой мысли о чайнике, потому что она значила: *я еще жива*.

Но мир уже сделал выбор за нее.

— **Смерть не освобождает от предназначения. Иногда она только открывает к нему дверь.**

Перед Лерой распахнулась одна из дверей.

За ней была не пустота.

За ней была вечность.

Так началась ее новая жизнь.

Или, вернее, ее бесконечная посмертная служба.

Хранитель

Дождь стучал по крышам, по карнизам, по стеклам небоскребов, превращая ночной город в дрожащую, размытую акварель. В этом монотонном шуме было что-то усыпляющее, почти ритуальное — будто сама ночь напевала колыбельную тем, кто должен был умереть до рассвета.

Ариэль стояла на краю крыши.

Когда-то ее звали Лерой. Теперь это имя осталось лишь слабым эхом в глубине памяти — тусклой искрой в холодной пустоте, которой стала ее вечность. Для мира Хранителей она была Ариэль. Для людей — ничем. Тенью. Ошибкой зрения. Призраком на периферии сознания.

Ветер трепал ее волосы, пахнул озоном и мокрым асфальтом. Она не чувствовала ни холода, ни сырости. Эти ощущения давно умерли вместе с ее телом.

Внизу, в узком переулке между домами, разыгрывалась сцена, слишком знакомая для любого Хранителя: двое мужчин, нож, сдавленный женский крик, который тут же проглотил ливень. Один неверный шаг. Один выбор. Одна нить, которую нужно оборвать.

Ариэль смотрела вниз спокойно.

Не равнодушно — равнодушие предполагает эмоцию, пусть и вялую. Нет. Ее состояние было чище. Холоднее. Это была ясность. Беспристрастность. Та самая, которой ее учили долгие годы после смерти.

Ее пальцы сжали медальон на груди.

Холодный металл был единственным, что в этом мире теней сохраняло подобие тепла. Внутри хрустальной сердцевины пульсировали две нити судьбы: алая — густая, напряженная, дрожащая болью; и серебряная — тонкая, почти прозрачная, едва удерживающая надежду.

Одну предстояло оборвать.

Другую — оставить.

Так работало Равновесие.

Так предписывала Книга.

Рука Ариэль уже потянулась к алой нити. Ее пальцы коснулись знакомой энергии смерти — тихой, привычной, почти уютной в своей неизбежности.

И в этот миг из темноты вышел он.

Не спаситель.

Не герой.

Хищник.

Он двигался легко, без лишних жестов, с той опасной точностью, которая бывает у людей, не раз смотревших насилию в лицо. Пока он шел в тени, его можно было принять за еще одну часть ночи. Но потом он шагнул под желтый свет фонаря — и переулочек словно изменил ритм.

Удар в солнечное сплетение. Короткий, жесткий.

Хриплый выдох нападавшего.

Следующий удар — в челюсть.

Нож с лязгом упал на мокрый асфальт.

Мужчина действовал с отточенной, почти пугающей жестокостью. Не яростно — профессионально. Как человек, давно усвоивший: в его мире побеждает тот, кто не колеблется.

— Беги, — бросил он женщине, даже не оборачиваясь.

Голос был низким, хриловатым, будто надорванным долгими ночами, сигаретами и жизнью без пощады. В этом слове не было мягкости. Только факт.

Женщина не заставила себя уговаривать. Она сорвалась с места и исчезла в чернильной темноте улицы.

Ариэль застыла.

Ее рука зависла в воздухе.

Все было неправильно.

Жертва должна была умереть. Так было записано. Так было выверено. Его вмешательство нарушило ход предначертанного, пустило трещину по ровной, безупречной поверхности Равновесия.

Ариэль видела, как алая нить вместо того, чтобы оборваться, запульсировала сильнее, напитанная страхом и внезапным спасением. Серебряная вспыхнула слабым светом.

Сценарий был сорван.

И тогда мужчина поднял голову.

Их взгляды встретились.

Это было невозможно.

Никто из смертных не должен был видеть Хранителя. Люди могли ощущать их присутствие, могли вздрагивать без причины, могли чувствовать холодок вдоль позвоночника. Но видеть — нет.

Он видел.

Не сквозь нее. Не мимо.

В упор.

Дождь стекал по его лицу, по резким скулам, по темным волосам, прилипшим ко лбу. В его глазах, цвета грозового неба, не было ни суеверного ужаса, ни паники. Только интерес. Жесткий, цепкий, опасный. И что-то еще — жажда понять. Дойти до сути.

Внутри Ариэль что-то дрогнуло.

Что-то старое. Мертвое. Похороненное.

Сердце, которого у нее не должно было быть, ударило в грудь так сильно, что она отшатнулась. Боль, живая и человеческая, полоснула изнутри. Она почти врезалась спиной в бетон вентиляционной шахты, обхватила себя руками, словно пытаясь удержать расплзающуюся по ней дрожь.

— Не может быть — шепнула она.

Но невозможное уже происходило.

Внизу он стоял неподвижно и смотрел туда, где была она.

И тогда медальон завыл.

Звук не был слышен людям. Он прорезал только ее мир — тонкий, высокий, режущий, как треск стекла перед разрушением. Система предупреждала: баланс нарушен. Цена должна быть заплачена.

Если не эта смерть — то другая.

Долг накрыл ее холодной волной.

Чувства были роскошью, которую Хранители не могли себе позволить. Чувства вели к ошибке. Ошибка — к падению.

Ариэль снова подняла руку к медальону. На этот раз не глядя вниз, не позволяя себе второй слабости. Кончиками пальцев нащупала алую нить — ту, что принадлежала одному из нападавших, — и резко дернула.

В ее сознании прозвучал тихий щелчок.

Внизу мужчина с ножом дернулся, замер, остекленел. Жизнь вышла из него мгновенно, почти бесшумно, будто в комнате выключили свет.

Равновесие было восстановлено.

Но слишком поздно.

Потому что тот, другой, почувствовал это.

Он вздрогнул и резко подался вперед.

— Эй! Кто ты?!

Его голос долетел до крыши сквозь ветер и дождь. Это не был крик страха. Это был вызов.

Ариэль закрыла глаза.

— Что ты сделала? — донеслось снизу еще отчетливее.

Он даже не посмотрел на мертвое тело. Все его внимание было приковано к ней.

Когда Ариэль вновь открыла глаза, алая нить уже угасла. Работа была завершена. Она должна была уйти.

Но прежде чем раствориться в темноте между мирами, она позволила себе последний взгляд.

Он стоял под дождем, запрокинув голову. И в его глазах было уже не просто любопытство. Там было узнавание. Словно он искал ее давно — всю жизнь, не зная имени, не зная лица, не зная даже, что именно ищет.

И теперь не собирался отпускать.

Этот взгляд обжег сильнее любого огня.

— Прости, — прошептала она.

Слово было обращено сразу ко всем: к мертвому, к живому, к себе самой.

А потом Ариэль шагнула назад — в тень, в разлом между мирами, в ледяную пустоту своей вечности.

Но даже исчезая, она чувствовала на себе его взгляд. Как нить. Как якорь.

А внизу, среди дождя и смерти, Марк Волков смотрел на пустую крышу и впервые за много лет чувствовал не злость, не скуку, не холодный расчет.

Одержимость.

Он не знал, что только что стал свидетелем небесного приговора.

Не знал, что его вмешательство уже стоило жизни.

Он знал только одно:

призрак в дожде был реален.

И он найдет ее.

Марк

Его звали Марк Волков.

В полумраке клубов, в прокуренных кабинетах, за столиками дорогих ресторанов, где сделки заключались шепотом, это имя звучало как предупреждение. У него был легальный бизнес — достаточный, чтобы не привлекать лишнего внимания. Но вместе с ним тянулась и тень. Длинная. Густая. Такая, в которой угадывались исчезнувшие конкуренты, сломанные судьбы и слишком удобные несчастные случаи.

Марк не верил в любовь.

Не потому, что ни разу не пробовал. А потому, что однажды понял: любовь — это самый короткий путь к боли.

Его мир держался на трех вещах: силе, контроле и расчете.

Женщины появлялись и исчезали без следа. Оставляли на простынях запах дорогих духов, на коже — временное тепло, а в памяти — ровным счетом ничего. Он не обещал. Не привязывался. Не подпускал близко.

Но призрак с крыши пробрался туда, куда не удавалось добраться никому.

Он видел ее отчетливо. Слишком отчетливо, чтобы списать на усталость или игру света. Бледное лицо. Волосы, которых не касался дождь. Глаза — печальные, древние, невозможные. И сила. Безмолвная, нечеловеческая сила, от которой у него, привыкшего быть опасностью для других, впервые перехватило дыхание.

Он сидел в своем пентхаусе, за панорамными окнами которого город тонул в дожде.

В руке — бокал виски. Лед давно растаял, превратив напиток в теплую мутную горечь. Марк пытался думать о делах: о встречах, о деньгах, о людях, которых нужно было поставить на место. Но мысли снова и снова возвращались к ней.

Он выпил.

Включил музыку — она показалась раздражающим шумом.

Набрал чей-то номер — одной из женщин, чьих имен уже толком не различал.

Услышал сонный, довольный голос.

И молча сбросил.

Потому что чужое лицо в трубке раздражало. А ее — возникало повсюду. В отражении окна. В бликах на темном стекле. В темноте за опущенными веками.

— Галлюцинация, — глухо бросил он в пустоту. — Переутомление.

Но сам себе не поверил.

Марк слишком хорошо знал, как выглядит безумие. И слишком хорошо чувствовал разницу между бредом и правдой.

Правда была в том, что эта ночь вскрыла старую рану, которую он годами считал затянувшейся.

Его детство не ушло. Оно просто пряталось глубже остальных шрамов.

Тринадцатый этаж старой хрущевки. Запах перегара, пота, дешевого табака и безысходности. Отец — огромный, грубый, с маленькими злыми глазами. Человек, который считал боль лучшим методом воспитания.

У него была любимая фраза:

— Чувства — слабость. Боль — урок.

По вечерам он устраивал «разбор полетов». Марк должен был стоять посреди комнаты и отчитываться: что сделал, что сказал, как посмотрел. Малейшая ошибка — и ремень с тяжелой пряжкой складывался вдвое.

Плакать было запрещено.

Кричать — тоже.

После побоев отец протягивал руку.

— Все нормально. Мужики понимают.

И Марк должен был пожать ее.

Не дрогнуть.

Не показать ненависти.

Мать была еще хуже — не злом, а пустотой. Вечная водка в крови, вечный халат, вечная безвольная усталость. Она не защищала. Не вмешивалась. Просто существовала где-то рядом, как мебель, которую давно перестали замечать.

Единственной отдушиной стало плавание. В бассейне он мог молчать. Мог быть никем. Вода не требовала объяснений и не задавала вопросов.

А потом в его жизни появился Джек.

Щенка немецкого дога кто-то выбросил у подъезда. Худой, дрожащий, со сломанной лапой. Отец уже хотел добить «бесполезную шавку», но Марк впервые послушался.

Он встал перед собакой.

— Я сам буду за ним смотреть.

Его голос дрожал, но он не отступил.

Так у него появился Джек.

Первое существо, которое любило его просто так.

Марк таскал ему корм, зарабатывал грузчиком, носил на руках, пока лапа не срослась. Ночами Джек спал рядом, положив тяжелую голову ему на ладонь. Марк говорил с ним шепотом, рассказывал то, чего не мог сказать никому. А пес слушал, смотрел своими умными глазами и был рядом.

Это был единственный год счастья в его жизни.

А потом отец его убил.

Выстрелом.

На лестничной клетке.

На глазах Марка.

После этого любовь умерла.

Не красивая метафорическая любовь из романов — а сама способность верить, что близость может закончиться чем-то кроме потери.

И теперь, спустя двадцать лет, призрак с крыши смотрел на него так, будто видел насквозь. Без страха. Без отвращения. С печалью, которую он не понимал. И это было страшнее любой угрозы.

Марк подошел к окну и прижался лбом к холодному стеклу.

— Кто ты? — тихо спросил он у ночи. — И что ты со мной сделала?

Ответа не было.

Только тихий, предательский шепот внутри:

Ты уже пропал.

Искушение

Ариэль пыталась забыть.

Она вернулась к работе так, как возвращаются к наказанию: без слов, без сопротивления, без надежды. Больница. Реанимация. Запах антисептика, железа, страха и усталости. Мониторы, на которых человеческая жизнь превращалась в цифры и линии.

На койке лежал мальчик. Совсем ребенок. Тонкие запястья, прозрачная кожа, ресницы, отбрасывающие тени на щеки. Его нить мерцала так слабо, будто вот-вот должна была раствориться.

По расчетам Равновесия он должен был умереть этой ночью.

Логика была безупречной: его смерть освобождала ресурсы для троих других пациентов с лучшими шансами. Баланс не знает жалости. Только соотношение.

Ариэль стояла над ним и смотрела, как линия на мониторе становится все ровнее.

Рука потянулась к медальону.

Осталось одно движение.

Но в этот миг в памяти вспыхнуло собственное человеческое лицо. Последний страх. Последняя растерянность. И крик матери, разрезающий воздух так, будто ломается сама реальность.

Ее пальцы дрогнули.

Вместо алой нити она коснулась серебряной.

И вложила в нее часть собственной силы.

Монитор сорвался на пронзительный сигнал, а потом ритм выровнялся. Сердце мальчика ударило снова. Слабо. Потом увереннее.

Он сделал глубокий вдох во сне.

Ариэль отступила, и в ту же секунду поняла, что совершила.

Нарушение.

Не случайную ошибку. Не промах.

Осознанное, вопиющее нарушение Правил.

— Ариэль.

Голос Элиаса прозвучал за спиной холодно и резко.

Она обернулась.

В дверном проеме стоял старший Хранитель. Его лицо, обычно спокойное и отстраненное, потемнело.

— Что ты сделала?

— Он выживет, — тихо сказала она.

— Его судьба была завершена. Ты изменила ее.

— Я знаю.

— Нет, — оборвал Элиас. — Ты не знаешь. Или не хочешь знать. Каждый раз, когда Хранитель спасает того, кто должен уйти, он платит собой. Не силой. Не болью. Сущностью. Частью себя. Еще несколько таких нарушений — и тебя не станет.

Ариэль опустила взгляд.

— Я не могла, — прошептала она.

В глазах защипало.

Слезы были невозможны. Но одна все же скатилась по щеке — горячая, живая, человеческая. И от этого ей стало страшнее, чем от слов Элиаса.

Он заметил.

И его голос смягчился.

— Это из-за него, да? Из-за смертного.

Ариэль молчала.

— Его появление разбудило в тебе то, что должно было умереть. Сомнение. Жалость. Память. Все это ведет к падению.

— Я не сомневаюсь в Системе, — ответила она слишком быстро, и сама услышала ложь в собственном голосе. — Я просто помню, каково это.

Элиас смотрел на нее долго.

— В этом и опасность, Ариэль. Хранитель не имеет права помнить слишком много.

— А если я не хочу больше быть только функцией? — едва слышно спросила она.

— Тогда тебя уничтожит либо любовь, либо Равновесие. И, скорее всего, оба.

Он шагнул ближе.

— Забудь его.

Но она уже знала, что не сможет.

Столкновение

Она увидела его снова через неделю.

Он сидел в машине у кафе, локтем опершись о руль, и смотрел в пустоту с тем усталым, жестким выражением, которое бывает у людей, давно разучившихся верить в случайности.

Ариэль пришла сюда по долгу службы. Через несколько минут неподалеку должен был потерять управление автобус. На перекрестке оборвется одна нить и спасется другая. Обычная работа.

Но стоило ей заметить Марка, как все остальное отступило.

Она стояла на тротуаре, невидимая для прохожих, и смотрела на него слишком долго.

Слишком жадно.

Слишком по-человечески.

И тогда он резко повернул голову.

Прямо к ней.

Не мимо. Не на звук. Не в сторону.

На нее.

Он вышел из машины, захлопнул дверь и шагнул под морозящий дождь.

— Стой!

Его голос догнал ее, когда она уже сворачивала в переулок.

Ариэль обернулась.

Он был совсем близко. Она видела капли дождя на его ресницах, тонкий шрам над бровью, напряженные скулы и губы, сжатые так, будто он боялся не ее — а того, что снова потеряет.

— Кто ты? — спросил он. — Почему я вижу тебя? Почему не могу выбросить тебя из головы?

— Ты не должен меня видеть, — ответила она, отступая. — Уйди.

— Нет.

Он шагнул еще ближе.

— Ответь мне.

Он протянул руку.

И в этот момент нить его судьбы вздрогнула.

Ариэль ощутила это раньше, чем увидела. В Книге вспыхнул образ: окно напротив, темный силуэт, снайперский выстрел, пуля, входящая в висок.

Его смерть.

Здесь. Сейчас.

Паника ударила в нее так резко, что почти выбила из равновесия.

Нет. Только не он.

Она рванулась вперед — не к Марку, а к угрозе. Время для Хранителя подчиняется иным законам. Для нее мир растянулся. Выстрел вспорол воздух. Пуля прошла в нескольких сантиметрах от его головы и вонзилась в кирпич.

Марк инстинктивно пригнулся, даже не успев осознать, что произошло.

Когда он поднял голову, Ариэль уже исчезала.

На мокром асфальте остался только медальон — теплый, светящийся, будто живой.

Марк медленно поднял его.

И почувствовал, как металл пульсирует в ладони, будто сердце.

Прошлое Леры

Жизнь Леры не была трагической сказкой.

Она была обычной. А в этом и кроется самая большая жестокость судьбы: иногда она забирает не героев, а просто хороших людей в самый обычный день.

Отец ушел, когда ей было десять. Мать осталась одна — уставшая, гордая, не умеющая жаловаться. Работала много, смеялась редко, но ради дочери всегда находила силы держаться.

Лера росла не в счастье, а в любви. А это куда важнее.

Она училась, мечтала стать архитектором, влюблялась не в тех, плакала из-за разочарований, пила чай с мамой поздними вечерами, спорила с подругами о глупостях и строила планы на жизнь, которая казалась бесконечной.

Последний день ее жизни был шумным и счастливым.

Защита диплома прошла блестяще.

Она позвонила матери, смеясь в трубку, пообещала торт и маленький праздник вечером.

Потом был магазин. Пакет в руках. Красный свет, который кто-то проигнорировал.

И грузовик.

Она не успела испугаться.

Не успела даже понять.

Последним чувством была не боль, а жалость к матери, которой предстояло пережить эту ночь.

Потом ей объяснили Правила.

Смерть — не конец. Это часть великого механизма, в котором каждый уход поддерживает чье-то продолжение. Хранителями становятся не случайные души. Только те, в ком достаточно чувствительности, чтобы видеть ценность жизни, и достаточно силы, чтобы не дрожать перед выбором.

Лера не хотела соглашаться.

Но альтернатива была страшнее: полное небытие.

Она выбрала существование.

И стала Ариэль.

Десять лет служила безупречно.

Пока не встретила Марка.

Погоня

Марк носил медальон с собой.

Он не знал, что это за вещь, откуда в ней это странное тепло и почему каждый раз, когда его пальцы касались металла, в груди поднималось ощущение тревоги, тоски и почти болезненной надежды.

Но одно он знал точно:

медальон принадлежал ей.

Он начал искать.

Поднял свои связи. Людей. Камеры. Слухи. Перетряхнул полгорода в попытке найти женщину с бледным лицом и глазами, которые не отпускали даже во сне.

В мире смертных ее не существовало.

Ариэль же боролась с собой.

Они сталкивались снова и снова — слишком часто, чтобы это можно было назвать случайностью. У входа в клуб. В пустом переходе метро. На мосту, затянутом туманом. Каждый раз она исчезала, а Марк оставался с ощущением, что реальность насмехается над ним.

Однажды ночью он загнал ее в тупик на пустынной набережной.

Над рекой стелился туман, вода была черной, как расплавленное стекло.

— Хватит убегать, — сказал он, перекрывая ей путь. — Я не причиню тебе вреда. Я просто хочу понять.

— Ты не можешь понять, — отозвалась Ариэль, прижимаясь к холодной стене. — И ты должен забыть меня.

— Опасно? — он усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья. — Для кого? Для меня? Я живу в опасности с тех пор, как себя помню.

Она молчала.

— Кто ты? — спросил он уже тише. — Призрак? Ангел? Или я все-таки сошел с ума?

Ариэль смотрела на него и чувствовала, как рушатся последние внутренние запреты.

— Я — та, кто решает, — сказала она. — Я решаю, кому жить, а кому умереть.

Марк замер.

— И мою жизнь тоже?

Она медленно покачала головой.

— Твоя нить должна была оборваться. Тогда. У кафе. Я помешала.

— Почему?

Она не ответила.

Но ее глаза сказали больше, чем могли бы слова.

Он подошел ближе.

— Тогда реши еще кое-что, — прошептал он. — Реши быть со мной.

И когда его губы коснулись ее, Ариэль поняла: она проиграла.

Не ему.

Себе.

Равновесию.

Вечности, которую строила вокруг себя десять лет.

Этот поцелуй был не нежным и не осторожным. В нем была жажда, страх, голод, одиночество — все то, что они оба слишком долго носили внутри.

И пока они целовались на пустынной набережной, на другом конце города оборвалась серебряная нить молодого врача, который мог спасти сотни жизней.

Дисбаланс начал расти.

Падение

Она стала приходить к нему по ночам.

Город засыпал, окна гасли одно за другим, и только его пентхаус оставался островом света среди темной воды мегаполиса. Для смертного мира Ариэль была почти невесомой. Она не могла взять чашку, не могла открыть дверь, не могла оставить след на стекле. Но она могла касаться его.

И этого оказалось достаточно, чтобы разрушить их обоих.

Они лежали на диване у панорамного окна и смотрели на город. Он рассказывал о себе редко, отрывками, будто вытаскивал слова из ржавого железа. О первых драках. О первой крови. О первом предательстве. О том, как быстро человек учится быть жестоким, если иначе его просто сожрут.

Она слушала — и ее сердце, вопреки всем законам, снова училось болеть.

Она тоже говорила. О матери. Об учебе. О мечтах, которые так и не успели стать жизнью. Но о главном молчала. О цене своей службы. О том, что каждый поцелуй с ним медленно разрушает их обоих.

— Ты похожа на ангела, — однажды сказал он, перебирая ее волосы.

Ариэль улыбнулась едва заметно.

— Ангелы не такие.

— А какие?

Она посмотрела в окно.

— Безжалостные.

Он повернулся к ней.

— А ты?

— Я очень старалась быть такой, — сказала она. — Но с тобой у меня не выходит.

Он поцеловал ее — тихо, почти благодарно.

Но счастье не бывает бесплатным.

С каждым визитом Ариэль чувствовала себя слабее. Ее контуры порой дрожали, как пламя. Медальон, который теперь носил Марк, светился все тусклее.

А однажды на рассвете ее встретил Элиас.

Он появился беззвучно, как всегда, будто вырезанный из белого света.

— Ты угасаешь, Ариэль, — сказал он.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. Ты думаешь, что медленно теряешь силу. На самом деле ты теряешь право существовать.

Она молчала.

— Ваше присутствие друг в друге разрушает ткань мира. Несчастные случаи участились. Нити путаются. Судьбы смещаются. Ты тянешь его за собой, а он — тебя.

— Что будет с Марком?

Лицо Элиаса стало непроницаемым.

— Его искаженная судьба должна быть исправлена. Его нить будет оборвана.

— Нет.

— Да.

— Я не позволю!

— Ты уже позволила, — жестко ответил Элиас. — Тем, что полюбила его.

Эти слова ударили сильнее любого приговора.

— Что мне делать?.. — прошептала она.

— Оставить его.

И впервые за всю вечность Ариэль поняла, что иногда самое страшное решение — не убить, а уйти.

Прощание

В ту ночь она пришла к нему в последний раз.

Марк понял это сразу.

Она была почти прозрачной. Черты ее лица мерцали, как отражение на воде. Даже голос звучал тише обычного.

— Что случилось? — спросил он.

— Мне нужно уйти.

— Нет.

Слово сорвалось с него хрипло, почти по-звериному.

— Нет. Я не отпущу тебя.

— Ты не можешь это остановить, — сказала Ариэль. — Мое присутствие убивает тебя.

И тогда она рассказала все.

О Хранителях.

О Равновесии.

О том, что их любовь стала трещиной в законах мира.

Он слушал молча, с лицом, которое становилось все холоднее.

Когда она закончила, Марк усмехнулся — коротко, безрадостно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.